

Марія Египетская, осѣнивши рѣку Іорданъ крестнымъ знаменіемъ, взшла на воду и, идя поверхъ воды, перешла рѣку ¹²⁾. Много можно и еще привести фактовъ чудеснаго дѣйствія крестнаго знаменія, но чтобы не утомлять васъ, ограничиваюсь приведенными, и изъ нихъ видно ясно, что чрезъ крестное знаменіе совершались чудесныя дѣйствія христіанами.

Вотъ откуда ведетъ свое начало христіанскій обычай творить крестное знаменіе и вотъ между прочимъ почему святая Церковь съ самаго начала своего существованія и до нашихъ дней твердо хранить этотъ древній обычай и все осѣщаетъ крестнымъ знаменіемъ.

Итакъ, братіе, да не стыдимся исповѣдывать Распятаго на крестъ, съ дерзновеніемъ, правильно да изображаемъ рукою знаменіе креста и на себѣ и на всемъ: и на челбѣ, и на хлѣбѣ, который вкушамъ, и на чашкахъ, изъ которыхъ пьемъ; да изображаемъ его при входахъ и выходахъ, когда ложимся спать и встаемъ, когда находимся въ пути и отдыхаемъ. Онъ великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда; ибо это благодать Божія, знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ ¹³⁾.
(Курск. Еп. Вѣд.) А. Лосевъ.

Три бесѣды епархіальнаго миссіонера, священника Павла Шалкинскаго, съ безпоповскимъ начетчикомъ Н. Е. Шаровымъ, веденныя въ с. Чадаевкѣ, Кузнецкаго уѣзда,
25, 26 и 27 мая 1898 года *).

Миссіонеръ: снова прошу Шарова доказать, что перстосложеніе есть догматъ, а вы, старообрядцы, ужъ судите послѣ сами,—не забывайте, что Шаровъ предоставилъ это вамъ самимъ.

¹²⁾ Чет. мнн. 1 апрѣля.

¹³⁾ Кир. Іер. огласит. поуч. 13. 3.

* Продолженіе; см. № 6 «Сарат. Епарх. Вѣдом.» за 1899 г.

Шаровъ: „Какая же вамъ польза, если бы перстосложеніе было и обрядъ или обычай, а не догматъ вѣры? Вѣдь ваша церковь прокляла двуперстіе, а теперь дозволяетъ тѣмъ же двуперстіемъ, проклятымъ-то, молиться. Пусть будетъ обрядъ, но вѣдь обрядъ-то проклятый, — это видно изъ протоколовъ Филиппова, Голубинскаго, Знаменскаго, Каптерева, изъ кн. Пращицы и изъ кн. Ивана грѣшнаго, а потому нѣтъ никакой пользы моему собесѣднику, если бы перстосложеніе было и обрядъ: разъ прокляли его, то ужъ проклятымъ-то сколько ни молись, все-таки будешь проклять“. Это Шаровъ говорилъ съ эффектомъ, зная, что въ Чадаевкѣ всѣ православныя крестятся двуперстно. „Вотъ объэтомъ-то и долженъ бы о. миссіонеръ потолковать побольше. А то только и твердить: „обрядъ-обычай, обрядъ-обычай“. Ну пусть будетъ такъ: обрядъ или обычай, — зачѣтъ же его проклинать, а потомъ уже проклятымъ-то молиться дозволяетъ“?

Миссіонеръ: прокляла-ли наша Церковь двуперстіе, или не прокляла, это еще вопросъ, о которомъ у насъ будетъ рѣчь впереди. Но что перстосложеніе не есть догматъ вѣры, а обрядъ, это теперь для всякаго православнаго и благо-разумнаго раскольника понятно; понятно и для самаго Шарова, который, хотя и противъ своего желанія, сознается, что перстосложеніе есть обрядъ, а не догматъ вѣры. Теперь всѣмъ понятно, что иногда старообрядцы спорятъ долго изъ за такихъ предметовъ, о которыхъ сами же хорошо знаютъ, что защищаютъ завѣдомую ложь. Не зналъ ли Шаровъ, что перстосложеніе не догматъ вѣры, а обрядъ? Зналъ, а между тѣмъ спорилъ больше трехъ часовъ и старался завѣдомо ложно поставить его на степень догмата. А почему бы не сознаться въ самомъ началѣ бесѣды? Нѣтъ, нельзя — нужно поспорить, быть можетъ, не удастся-ли защитить себя и тѣмъ поставить православнаго миссіонера въ неловкое положеніе. А это ясно доказываетъ, что въ старообрядцахъ нѣтъ искренности, нѣтъ религіозности; у нихъ одно стрем-

леніе—какимъ бы то ни было образомъ одержать побѣду въ бесѣдахъ съ православными. Эта ложная защита у нихъ сопровождается иногда поговоркою: „И ложь бываетъ во спасеніе“.

На вопросъ же Шарова: „Какая намъ польза, если бы перстосложеніе было обычай или обрядъ, а не догмать вѣры“?—Скажу, что польза отъ этого величайшая не только намъ православнымъ, но и всѣмъ старообрядцамъ. Рѣшеніемъ этого вопроса разрѣшается другой вопросъ, именно: изъ-за чего слѣдуетъ отдѣляться отъ церкви, и изъ-за чего не слѣдуетъ. Если поврежденъ догмать вѣры, какъ повреждали еретики: Македоній, Несторій, Арій и др., тогда нужно отдѣляться отъ таковыхъ; а если перемѣняется какой либо обрядъ или обычай,—какъ было во всѣ времена существованія Церкви Христовой,—то отдѣляться изъ-за этого отъ Церкви не слѣдуетъ. Св. Василій Великій говоритъ: „Срамно есть изъ за обрядовъ ратоватися“ (послан. 204 къ Неок.). Св. Григорій Богословъ говоритъ: „Въ единой вѣрѣ ничесо же вредитъ разнообразность обыкновеній, если въ ней сохраняются безъ нарушенія существенныя ея свойства“ (Посл. къ Леандру). Церковный историкъ Созоменъ говоритъ: „Святые отцы весьма справедливо думали, что безумно было-бы христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣрованія, раздѣляться между собою изъ за обычаевъ; ибо во всѣхъ церквахъ, хотя онѣ исповѣдуютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однѣхъ и тѣхъ же по всему сходныхъ преданій“ (кн. 7, гл. 19, стр. 517). Фотій, патр. Цареградскій, говоритъ: „Если отступленія не касаются вѣры, или какогонибудь общаго соборнаго опредѣленія, на примѣръ, когда одни держатся такихъ порядковъ и обычаевъ, другіе—иныхъ, то правильно разсуждая, должно признать, что и тѣ, которые хранятъ извѣстный обычай, не дѣлаютъ ничего несправедливаго, и тѣ, которые ни имѣютъ его, не погрѣшаютъ“

(Послан. Фот. 3, § 6). (Много было и еще приведено свидѣтельство о томъ, что изъ за обрядовъ раздѣляться нельзя).

Вотъ старообрядцы не послушались св. Церкви, раздѣлились съ нею изъ за обрядовъ и обычаевъ—и поступили неправильно. Церковь внушала имъ, внушаетъ теперь и будетъ внушать всегда, что несправедливо отдѣляются они отъ православной Церкви изъ-за обычаевъ и обрядовъ. Но старообрядцы не только не слушаютъ Церкви, но еще злословать, ругаютъ, порицаютъ и укоряютъ ее, называя еретической, антихристовой и т. п., за что и положена на нихъ церковію законная клятва: Церковь проклинаетъ и должна проклинать старообрядцевъ какъ непокорниковъ и злохулителей ея, незаконно отдѣлившись не изъ-за догмата вѣры, а изъ за обычаевъ и обрядовъ. Послѣ этого, кажется, понятно, для чего нужно знать каждому, что такое обрядъ или обычай и что такое догматъ вѣры.

Вы, г. Шаровъ, неоднократно дѣлали порывы перейти на вопросъ о клятвахъ и порицаніяхъ. Такъ какъ вопросъ о перстосложеніи рѣшенъ, и вы, хотя, можетъ быть, и противъ своего желанія, сознались, что перстосложеніе не есть догматъ вѣры, а обрядъ, то нахожу теперь возможнымъ перейти и къ вопросу о клятвахъ и порицаніяхъ, а именно: „Откуда видно, что наша православная Церковь проклала безусловно всѣхъ крестящихся двумя перстами и вообще служащихъ по старопечатнымъ до—Никоновскимъ, книгамъ“?

Шаровъ: „Соборъ 1667 года прямо сказалъ: „Аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточной Церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы такового противника данною намъ властію.... проклятію и анаемѣ предаемъ“ (л. 7). А соборъ этотъ повелѣлъ молиться тремя персты, служить на пяти просфорахъ и т. д. Слѣдовательно, молящіяся не тремя, а двумя, перстами—прокляты. Тертій Ивановичъ Филипповъ подтвердилъ это слѣдующимъ Сино-

дальнымъ Указомъ: „Которые хотя святѣй Церкви и повинуются и вся церковная таинства приѣмлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не троеперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ, и которые, хотя по невѣжеству, но отъ упорства то творять, обѣихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что“ (Совр. Церк. вопр. стр. 335). Въ кн. Працицѣ въ отвѣтъ 27 говорится: „Убо вамъ святая Церковь чрезъ многа лѣта возбраняя возбраняетъ соборнѣ и сущею властію церковною, еже бы двѣма персты не креститися и другихъ бы не учти и не повелѣвати“ (л. 87). А такъ же и въ книгѣ жезль правленія въ возобличеніи 21 прямо говорится, что Церковь двоеперстное сложеніе отрѣваетъ и терпѣть не можетъ какъ новость. Потомъ Шаровъ прочиталъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій Чистовича, Востокова, Голубинскаго, Каптерева и другихъ, и заключилъ свою рѣчь такъ: изъ приведенныхъ мною свидѣтельствъ видно, что Церковь Россійская, а вмѣстѣ съ нею и восточная, двуперстное сложеніе проклинаетъ и всячески порицаетъ, а между тѣмъ молиться имъ дозволяетъ. А вотъ откровенный человѣкъ, 75-лѣтній старецъ Иванъ грѣшный, обличаетъ пастырей и внушаетъ намъ, что чтобы мы не вѣрили имъ, ибо они хотя и допускаютъ крестящихся двуперстно къ причащенію, но съ великимъ соболѣзнованіемъ, ибо Св. Синодъ двуперстно молиться никогда православнымъ не позволялъ. Пусть о. миссіонеръ отвѣтитъ намъ на это, а мы послушаемъ“, — заключилъ Шаровъ.

Миссіонеръ: Шаровъ привелъ постановленіе собора 1667 года; но соборъ этотъ вовсе не говорилъ того, что крестящіеся двумя перстами прокляты; соборъ проклинаетъ только тѣхъ, которые противятся и прекословятъ ему, хулятъ троеперстіе и другія постановленія собора, — „Церковь называютъ не церковію, Архіереевъ не архіереями, священниковъ не священниками и проч.“ (л. 1 об.). Таковыхъ-то

вотъ Церковь прокликаетъ и будетъ прокликать до тѣхъ поръ: „Дондеже вразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ“ — такъ сказалъ (см. л. 7) самъ соборъ. Если бы Церковь прокляла двуперстное сложеніе, то она ни въ какомъ случаѣ не назвала бы его „честнымъ“, но соборъ сказалъ: „И что писаша (на Стоглавномъ соборѣ) о знаменіи *честнаго креста, сиречь о сложеніи двою перстовъ*“ (л. 7 об.). Называя сложеніе двухъ перстовъ знаменіемъ честнаго креста, соборъ, очевидно, не проклиналъ его, ибо проклятыя вещи честными ни въ какомъ обществѣ не называются. Притомъ, замѣчательно и то, что вслѣдъ за симъ выраженіемъ соборъ, отмѣнивъ клятву Стоглаваго собора на не крестящихся двумя перстами, не сказалъ, что вмѣстѣ съ отмѣною клятвы отмѣняется и самое двуперстіе, а это было бы кстати. Такимъ образомъ, двуперстное сложеніе такъ и осталось для православныхъ, находящихся въ единеніи съ церковію, честнымъ и позволительнымъ. Для раскольниковъ же оно послужило камнемъ преткновенія и соблазна: они отдѣлились изъ-за него отъ Церкви и тѣмъ навлекли на себя законную церковную клятву, которая тяготѣетъ надъ ними до днесь и будетъ тяготѣть до тѣхъ поръ „Дондеже вразумятся“ — и обратятся паки въ Церковь. Понятно теперь, на кого положены соборомъ клятвы и Шаровъ привелъ свидѣтельство собора 1667 г. совершенно не къ дѣлу. Далѣе Шаровъ приводитъ Синодальный Указъ отъ 15 мая 1722 года, въ которомъ повелѣвается „обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что“. Но кого — „обоихъ“? Это, во первыхъ, тѣхъ, какъ говорится въ самомъ же указѣ, „вои съ противнымъ мудрованіемъ“ и во вторыхъ тѣхъ — „которые хотя и по невѣжеству, и отъ упорства то творять“. Вотъ этихъ-то обоихъ и повелѣвается писать въ расколъ. Православная Церковь такъ и дѣлаетъ, и дѣлаетъ правильно.

Одинъ изъ раскольниковъ спросилъ: „Какое-же въ нашемъ двуперстіи противное мудрованіе?“

Миссіонеръ сказалъ: „очень большое. Двуперстіе есть простой обрядъ. Вы же стараетесь возвести его на степень неизмѣняемаго догмата вѣры. Но возводить какой бы-то ни было обрядъ на степень догмата вѣры, это заблужденіе очень великое; таковыя люди, по слову св. Іоанна Дамаскина, причисляются къ еретикамъ кривосказателямъ (см. кн. Никона Черногор. сл. 2, л. 15). Слѣдовательно, старообрядцы, производя расколъ изъ за двоеперстія, какъ изъ-за догмата вѣры, вводятъ тѣмъ противное мудрованіе въ область догматическихъ истинъ церкви.

Но что бы крестящіеся двуперстно безъ противнаго мудрованія и безъ упорства писались въ расколъ, этого въ указѣ не сказано, а потому для Шарова и прочихъ старообрядцевъ здѣсь никакого оправданія нѣтъ.

Приведенное же свѣдѣтельство изъ кн. Пращицы Шаровъ прочиталъ отрывочно. Въ томъ же отвѣтѣ нѣсколько ниже говорится такъ: „Исправленіе же и преложеніе двуперстнаго знаменія нѣсть имъ (т. е. прежде патр. Никона бывшимъ) въ поруганіе, ниже во укоризну, и нынѣ въ православіи пребывающимъ не въ погибель, но во спасеніе“. А въ отвѣтѣ 201 о служащихъ по старопечатнымъ книгамъ, Кіевскимъ и Московскимъ, говорится: „Таковыя имѣютъ надежду своего спасенія, при правой вѣрѣ и при добромъ житіи, по заповѣдямъ Божиимъ“. То же самое говорится о служащихъ по старо-печатнымъ книгамъ и въ отвѣтѣ 14, гдѣ старообрядцы укоряются не за книги, а за противленіе четверемъ восточнымъ патріархамъ; за неимѣніе видимыхъ церквей для приношенія безкровной жервы, за раздѣленіе между собою на разныя секты и прочая. Изъ сего ясно видно, что въ книгѣ Пращицы не на православныхъ крестящихся двуперстно и служащихъ по старопечатнымъ книгамъ проклятіе положено, а на раскольниковъ, что и должно быть непременно и всегда. Да и самый текстъ книги Пращицы, приведенный Шаровымъ, не служитъ въ его оправ-

даніе. Тамъ прямо сказано: „Убо вамъ (т. е. раскольникамъ) св. церковь возбраняя возбраняетъ соборнѣ..., еже бы двѣма персты не креститися и другихъ бы не учити и не повелѣвати“. Но вѣдь церковь раскольникамъ возбраняетъ не только учить и повелѣвать, но и всякое священнодѣйствіе и Богослуженіе совершать; возбраняя все это раскольникамъ, она строго повелѣваетъ совершать все это Православнымъ. Послѣ этого, какое же можетъ быть въ этомъ свидѣтельствѣ оправданіе для старообрядцевъ? Рѣшительно никакого нѣтъ.

Шаровъ приводилъ еще изъ книги Жезль Правленія слѣдующее: „Ибо святая Восточная церковь новостей не терпитъ, паче же отрѣваетъ, яко же и нынѣ двоеперстному сложенію творить“. Правда, церковь отрѣваетъ двоеперстіе; но какое? Этого Шаровъ не сказалъ. Въ той же книгѣ Жезль, въ томъ же 21 возобличеніи, не много пониже объясняется, что церковь отрѣваетъ только то двоеперстіе, которое подобится арменскому въ не правильной мысли и разумѣніи о Божественныхъ лицахъ святой Троицы. Но о православномъ дуперстномъ сложеніи, въ томъ же 21 возобличеніи, говорится: „яко вѣщная часть церкви, и едва не вся, сихъ перстовъ (т. е. двухъ) сложенія не приѣмлетъ“. Изъ сего ясно видно, что въ то время, когда составлялась книга Жезль, хотя и въ меньшей части церкви, двоеперстіе употреблялось, а не отвергалось.

Прочитанныя Шаровымъ свидѣтельства: Чистовича, Востокова, Голубинскаго и прочихъ, а тѣмъ болѣе Ивана грѣшнаго, церковь, какъ мнѣнія частныхъ лицъ, въ законъ не приѣмлетъ и руководиться ими не предписываетъ; церковь руководится не мнѣніями частныхъ лицъ, но синодальными постановленіями, которые считаются обязательными актами для нашей мѣстной Россійской, а не всей Вселенской церкви. Правда, иногда и мнѣнія частныхъ лицъ приѣмлются, но только тогда, когда одобрить эти мнѣнія вся Вселенская Церковь и предпишетъ руководиться ими. Изъ показанныхъ же

книгъ Шаровымъ ни одна не принята не только Вселенскою, но и нашею мѣстною Церковію: Св. Синодомъ не было предписано, чтобы руководиться книгами Чистовича, Востокова, Голубинскаго и прочихъ; Церковь смотритъ на эти книги какъ на простую полемику, а не на законъ. Книга Ивана грѣшнаго, которой старообрядцы придаютъ большое значеніе, рѣшительно никому изъ приходскихъ священниковъ неизвѣстна, — она извѣстна только самому автору, издателямъ и старообрядцамъ; св. Синодъ никогда не дѣлалъ постановленія и распоряженія о ней, чтобы все духовенство имѣло такую книгу и руководилось ею. При томъ, Иванъ грѣшный въ книгѣ своей много говоритъ несправедливаго, напримѣръ, онъ говоритъ, что св. Синодъ никогда двоеперстно креститься не позволялъ. Но это не правда, св. Синодъ, прежде Ивана грѣшнаго, неоднократно объяснялъ, что двоеперстно креститься въ единеніи съ церковію дозволяется; въ книгѣ „Увѣщаніе“ прямо говорится, что креститься какъ двоеперстно, такъ и троеперстно, одинаково спасительно; но книга „Увѣщаніе“ издана св. Синодомъ раньше книги Ивана грѣшнаго, — слѣдовательно, Иванъ грѣшный говоритъ не правду, а потому и основываться на его книгѣ никакъ нельзя.

Итакъ, разобравъ всѣ свидѣтельства, приведенныя Шаровымъ, я долженъ сказать, что г. Шаровъ не доказалъ еще пока клятвъ на православныхъ, крестящихся двуперстно въ единеніи съ Церковію, а доказалъ только клятвы на себя и на другихъ старообрядцевъ, за отдѣленіе ихъ отъ церкви и за нестерпимыя хулы на нее. Я опять не отнимаю права у моего собесѣдника: пусть постарается доказать, а мы послушаемъ.

Такъ какъ бесѣда длилась больше 7 часовъ, то Шаровъ просилъ прекратить оную до завтра. Миссіонеръ сказалъ: „По условію, завтра бесѣда должна быть о поливательномъ крещеніи, а потому вы и должны рѣшить намѣченный воп-

рось на нынѣшній день сего же дня". Шаровъ, видимо стѣсняясь, не пожелалъ больше продолжать бесѣду, а сказалъ: завтра будемъ продолжать бесѣду о нынѣшнемъ неоконченномъ предметѣ, а о поливательномъ крещеніи отложимъ еще до слѣдующаго дня, т. е. до 27 мая." — Сказавъ это, онъ удалился съ бесѣды. Тѣмъ первая бесѣда и закончилась
(Продолженіе будетъ).

Разсказъ крестьянина села Березниковъ, Вольскаго уѣзда, Сергѣя Осиповича Попова о томъ, какъ Царица Небесная и молитвы пастырей церкви спасли его отъ неминуемой смерти.

Въ селѣ Березникахъ, Вольскаго уѣзда, проживаетъ тамошній крестьянинъ Сергѣй Осиповичъ Поповъ, личность уважаемая не только своими односельчанами, но жителями и сосѣднихъ селъ; ему около 40 лѣтъ; онъ православный и ревнитель церкви Божіей. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, прошлаго 1898 года, пріѣхалъ онъ въ г. Вольскъ на ярмарку и купилъ себѣ лошадь, очень бойкую; при осмотрѣ ея онъ неосторожно нагнулся и эта лошадь задними ногами настолько сильно ударила ему въ лицо, что онъ отлетѣлъ болѣе чѣмъ на сажень, обливаясь кровію, и тотчасъ же потерялъ сознание. Оказалось, что у него около глазъ прошибленъ лобъ и перешиблена переносица. Въ такомъ видѣ его привезли въ Вольскую больницу; тамъ приняли, но лечить отказались, какъ безнадежнаго на выздоровленіе и предложили увести поскорѣе домой, иначе можетъ дорогой умереть.

Въ больницѣ, рассказывалъ онъ, я пришелъ въ сознание, хотя отъ потери крови ни руками ни ногами не могъ пошевелиться, за то душевно сдѣлался покойнѣе, ибо видѣлъ какъ будто на яву, видѣніе: представился мнѣ образъ „Покрова Пресвятыя Богородицы“; Царица Небесная ласково смотрѣла на меня и я пришелъ въ умиленіе; и вотъ слышу голосъ: молись Царицѣ Небесной и проси пастырей церкви